

СЕНТЯБРЬСКИЕ БЫЛИ

В библиотеке
православной культуры

СТРОЧКИ

Первый месяц осени входит к нам не только вспишками яркого цвета на клёнах, приводящими в восторг даже самого углубленного в себя и повседневные заботы человека. Сентябрь — время, когда шумом и гамом наполняются школьные коридоры и классы; более степенно встречаются друг с другом студенты учебных заведений. А у педагогов уже созрели планы новых встреч их подопечных с творчеством горожан или продолжаются традиции общения детей и молодежи с людьми, созидающими в разных культурных пластах города

Писательская организация (ПО) «Слово» активно участвовала в сентябрьских мероприятиях музея, школ и библиотек города.

1 сентября в библиотеке филиала №10 состоялся серьезный разговор с учащимися 7 класса университетского лицея. Нравственность, гражданская позиция, семья, этика поведения в обществе, в школе, дома — темы, которые стали предметом беседы, подготовленной библиотекарем Натальей Колесниковой. Подкрепленные гражданской поэзией Александры Беловой, жизненные вопросы не оставили равнодушными лицеистов, их участие в разговоре показало, насколько им важно найти актуальные ответы и уверенно шагнуть по выбранному пути.

Библиотека православной культуры организовала встречу членов ПО «Слово» со студентами молочного колледжа на тему родного края и города. Целью мероприятия было знакомство

молодежи с творчеством местных писателей. Ведущий библиотекарь читального зала Людмила Тюменцева подготовила «путешествие» по экспозиции книг от Державина, Пушкина и поэтов серебряного века до литераторов наших дней, в том числе областных и городских писателей. Название этого интересного материала — «История литературы России».

Начали цикл знакомства с местными авторами Юрий Шерстнёв и Александра Белова. Есть намерение работников библиотеки продолжить такое сотрудничество.

Технический колледж начал реализовывать программу сотрудничества с писательской организацией «Слово». В намерения организатора, заместителя директора по воспитательной работе Марины Гирфановой входит знакомство студентов с творчеством местных литераторов ежемесячно в течение учебного года. Сотрудничество будет полезным и позна-

вательным только для тех студентов, которые желают изучать местную литературу. Так считает актив ПО «Слово» и согласен нести свое творчество даже трем-четырем благожелательно настроенным слушателям.

В краеведческом музее широко прошло празднование 40-летия переименования Мелекесса в Димитровград. Авторы стихов ПО «Слово» приняли участие в фестивале искусств городских творческих коллективов, проходившем во дворе музея.

Новый поэтический сборник вышел в сентябре у Александра Осипова, поэта и прозаика, члена Союза писателей России.

Это уже четвертая книга стихов автора — «И опять вяжу я строчки». В книгу вошли стихи о любви, о природе родного края, философская и гражданская лирика.

Поздравляем Александра Степановича с этим важным событием в жизни!

ПОБРАТИМЫ

Два города под именем одним,
две разных жизни, два Димитровграда.
И это имя каждый побратим
Несет как честь, как высшую награду.
Болгария, Россия — две сестры.
Как часто их пути пересекались!
Славяне строят разные миры,
но давней дружбе верными остались.
Болгарский сын фашизм изобличал.
Тот суд известен Западу, Востоку.
Рванув рубаху, русский защищал
весь мир от этой напасти жестокой.
Два памятника с именем одним —
Георгий Димитров — как символ дружбы.
И каждый город породнился с ним,
и каждому народу это нужно.

А. БЕЛОВА 1962 год

ЛЕТНИЕ ПОДВИЖКИ

Лидия Степанова на редкость мобильный человек. Лето ее в творческом плане прошло активно. Санаторий «Сосновый бор» традиционно приглашал поэтессу почитать стихи перед отдыхающими в июне, июле, августе.

Теплая творческая встреча прошла с инвалидами-колясочниками в Центре «Преодоление». Духовная поэзия Лидии Михайловны нашла отклик в душах детей из воскресных школ Ульяновской области в Свято-Преображенском храме.

Во время летнего отдыха школьников поэтесса провела встречи: в школах №2 и №6 Димитровграда; с детьми из детских домов Ульяновской области — в загородном лагере «Звездочка»; с детьми из Новоульяновска — в летнем лагере отдыха и в школе-интернате.

45-летию ДААЗа посвящается

Денис ГНАТУШ (экономист ЭКО)

ЧАШКА КОФЕ

Сильный порыв ветра выбил форточку. Осенняя свежесть ударила прямо в лицо. Вихрем закружило по комнате. Заиграло ворохом исписанной бумаги на столе. Зашелестело. Рука, поднятая к виску.

Рука застыла у виска. Если это моя рука, то почему я тогда не чувствую, как она затекает. Какое-то оцепенение. Я не могу никак стряхнуть это оцепенение с себя. Оно сковало меня, сделало из меня истукана, поглотило и унесло куда-то непостижимо далеко.

И все-таки это моя рука - прихожу я к мысли. Это первая ясная мысль после того, как все случилось.

Случилось. А ведь действительно что-то случилось. Но что? С кем?

Наверное, это рука моя, ведь в этой комнате я один. Уже давно один. Я это знаю наверняка. Я ощущаю это одиночество в себе. Ощущаю его в этой комнате. Ошибки быть не может. Чувства меня не подвели никогда. Тонкой струной где-то в глубине моего существа резонирует это состояние. Один.

Такое ощущение, что рука просто омертвела и осталась у виска навсегда, как будто ей больше некуда деваться. Зачем я хотел это сделать? Что я хотел сделать? Не помню.

Кажется, я хотел кофе. Я и сейчас улавливаю его характерно-приятный запах, но запах уже слабый. Он какой-то нерезкий, перемешанный с тем, что ворвался сюда с улицы. Я сильно сомневаюсь в том, что это действительно был кофе. Чашка у меня в руке совсем остыла, будто в подтверждение моей догадки. Я не знаю, чему верить. Чему можно верить понастоящему? Верить в то, что это действительно было, и что это будет тем же после того, как это было. Разве в жизни есть что-то такое?! Я почти уверен в том, что нет. Опять сомнения. Столько прожить на свете и не знать даже, кофе у тебя в чашке или что-то другое. Впрочем, столько не считается. Откуда опять же мне знать, достаточно ли я прожил на свете или, наоборот, совсем немного. Как я могу знать это, пока живу? Я могу замечать, как старею. Но даже если стареть, это еще не значит жить. Это не одно и то же, так же, как не одно и то же, если дышать и чувствовать в себе жизнь.

Может, мне все-таки опустить руку? Надеюсь, в руке у меня ничего нет. Ведь я даже не чувствую тепла пальцев. Как будто рука не моя, и пальцы совсем не мои. Но тогда чьи? Рука у виска.

Холодно. Что-то очень холодное прижато к виску. Это не может быть рукой. Рука сейчас горячая. Пальцы стиснуты. Я даже чувствую, как вспотевший большой палец скользит чуть повыше рукоятки. Гладит что-то железное. Гладит, будто бы выжидает. Рукоятка горячая от руки, но ствол неприятно холодит кожу у виска. Большой палец передернул маленький рычажок повыше рукоятки. Возможно, в очередной раз. Я не помню, в который уже раз. Я не понимаю, в каком положении сейчас предохранитель. Я не хочу понимать. Сколько я так стою? Наверное, давно. Рано или поздно рука занемет, и что тогда? Что-то произошло, что-то в комнате вокруг меня изменилось.

Ага, это ветер. Форточка раскрыта настезь. Листок с небрежными каракулями, подхваченный ворвавшимся потоком весны, уныло соскользнул со стола и полетел к полу.

Шелест падающего листа. Как это знакомо. Разве это уже было? Не помню.

(ИЗ РАДИОПРИЕМНИКА)

...Потерпел сегодня в 6.15 утра по местному времени крушение. Самолет, летевший по маршруту Москва - Рим, по неизвестным пока причинам рухнул на территории украинских Карпат. Спасатели еще продолжают обследовать место трагедии, однако можно заявить о том, что выживших на борту потерпевшего крушение самолета «Боинг 747» не обнаружено. По данным авиакомпании «Юнайтед Эйрлайнз» на борту самолета находилось 98 пассажиров, в том числе 17 детей, и 8 членов экипажа. Черный ящик пока не найден ввиду того, что поиски осложнены труднопроходимой местностью. Еще раз выказываем соболезнования родным и близким погибших...

Погибших! Почему ведущий новостей так уверенно произнес это страшное слово? Кто дает право человеку, не располагающему достоверной информацией, заявлять о том, что он соболезнует всем родным и близким погибших? Он хоть понимает, что означает это слово? Погибшие. Странно. Звучит так, будто люди сражались за какое-то правое дело и в результате отдали свои жизни для того, чтоб другим стало жить лучше. Но эти люди просто летели по своим делам, кто отдыхать, а кто по работе... Как Лена, ведь ей надо было поехать на выставку этого авангардиста. Как его? Черт возьми, ну и фамилия! Ни за что не вспомнил. Лена летела как раз на «Боинге», именно в Рим, именно сегодня утром. Какое совпадение. А вдруг не совпадение? Надо позвонить в аэропорт и узнать точно, какой самолет упал. Узнать номер рейса. Ведь были и другие самолеты. Верно? Иначе просто и быть не могло. Лена не могла лететь на этом самолете; она всегда выбирала самолеты, которые не падают, и тем более, не падают в труднопроходимых местах, из-за чего поиски останков погибших и обломков самолета будут затруднены. Не могла же она сесть на такой самолет. Не могла! Это было бы просто невероятным невезением. Надо набрать номер диспетчера авиакомпании...

- Привет, Карл! Садись, я уже заказал все.

Благодарная улыбка озарила лицо моего приятеля, только что прибывшего из Шереметьево. Завтракал он во Франкфурте, и было это рано утром, поэтому я знал, что ему стоит заказать ланч заранее.

- Эд, как твой проектживает?

- Через неделю сдаю, но ты мне скажи сразу, как там мое любимое кафе на Ремерплаца, все ли так же чудесно, как и раньше?

- А куда денется твоё кафе? В субботу только гуляли там с Матильдой и зашли выпить кофе. Я знаю, тебе хочется вновь там побывать. Так вот что я тебе скажу, дружиче: сдавай свой проект поскорей и приезжай к нам в гости, Матильда будет рада твоему приезду. Ей не терпится обсудить с тобой план сада, который она хочет разбить возле дома, который мы недавно купили за городом. Да, она добавила, чтоб ты не приезжал больше один. Найди наконец какую-нибудь очаровательную девушку и приезжай к нам вместе с ней. Может, даже оставив свою Москву и переберешься к нам на Майн. В противном случае, она обязалась тебе подыскать немку, на что ей резонно заметил, что

таких красивых женщин, как в России, больше нигде не найти. На это ей возразить было нечего, - он рассмеялся. Я тоже.

В этот момент я обратил внимание на молодую женщину, сидевшую за угловым столиком. Все то время, что я ждал своего старого приятеля, давным-давно перебравшегося в старую и уютную Германию, девушка была занята чтением какого-то каталога или альбома, лишь изредка отпивая из бокала мандариновый сок. Сейчас она закончила чтение и просто смотрела перед собой. Бокал ее был пуст. Взгляд был какой-то задумчивый и грустный, как мне казалось. Сейчас она осматривала кафе, и ее взгляд скользнул по мне, какой-то миг мы смотрели друг на друга. Показалось, что прошло очень много времени, прежде чем она отвела взгляд от меня, но спустя полминуты я вновь ощутил ее внимание. В это время Карл что-то оживленно продолжал рассказывать, но увидев, что я чем-то отвлечен, замолчал. Наконец я услышал Карла.

- Если это она и у нее светлые волосы, а взгляд немного грустный, ты должен подойти к ней сейчас и заговорить.

- Мы ждали этой встречи, думали обсудить важные дела, включая мой незавершенный проект, а теперь я должен тебя вот так вот бросить и пойти к незнакомке?

- Я могу подождать до завтра. У меня номер заказан в отеле. А вот она ждать не будет. Давай же, иди к ней.

- Что я ей скажу. Я же не психолог, я архитектор.

- Предложи ей ужин на Ремерплаца. Думаю, она согласится. - Карл рассмеялся.

Ничего путного в голову так и не пришло, пока я преодолел крошечное расстояние между нашим столиком и угловым, за которым сидела девушка. Подходя к ее столику, я уловил легкую улыбку на ее лице. Помоему она хотела улыбнуться, но вовремя подавила это желание, чтоб не оказаться в глупом положении. Мы подумали одновременно об одном и том же. После секундной дико растянутой паузы я, не спрашивая разрешения, взял стул и присел. Мы смотрели друг на друга, никто не произнес ни слова. Я боялся сказать какую-нибудь банальность или глупость, а сказать незнакомому человеку что-нибудь другое в этот момент всегда очень сложно. Мне кажется, что она думала также. Она смотрела прямо на меня, в мое лицо. Она разглядывала мои глаза. Я скользил по ее лицу, причёске, рукам, но все время возвращался к ее губам. Они меня завораживали. Ничего удивительнее этих губ я не видел в своей жизни. Возможно, вся магия в их линии, в том, как они соприкасаются. Именно они придают ей тот образ, который врезался мне в память навсегда. Как было в том кафе в тот осенний день.

Она положила на стол свой альбом и развернула его в мою сторону. Я открыл его и начал разглядывать картины. Это была итальянская живопись. Через какое-то время я закрыл альбом и положил его обратно.

- Я не очень понимаю современную живопись.

- Это Пикассо. Все знают Пикассо.

Она положила альбом в сумку, встала, надела черное пальто.

- Мне надо идти.

- Я могу проводить?

Она не ответила. Я схватил свою куртку и вышел след за ней на улицу.

Какое-то время мы шли молча. Она иногда поглядывала на меня, при этом чуть улы-

баясь. Мне кажется, это была улыбка Джоконды.

- А как насчет современной поэзии?

- Примерно так же, как с современной живописью.

Мы оба рассмеялись.

Конечно, я знал стихи, но всегда стеснялся их читать вслух. На ум стало приходить что-то из Роберта Бернса. «My heart in the highlands» прошел на ура, причем не весь даже. Появилась некая уверенность в себе. Может быть, мы не случайно вместе вышли из того кафе?

Я рассказал ей про кафе на Ремерплаца, и ей это понравилось.

Этот день мы провели вместе, хватало пары звонков на работу, и у меня оказался полностью свободный день. Потом позвонил Карл и сообщил, где он остановился. Да, ее звали Лена.

Я все еще слышал ее учащенное дыхание, хотя все уже закончилось. Мы просто лежали рядом, я гладил ее обнаженное тело. Она лежала молча и о чем-то думала. Потом я сел на кровати, она оставалась неподвижной. Мне вдруг захотелось что-то сделать, не важно что. Я встал, подошел к окну и раздвинул шторы. Через окно с удивительной бесцеремонностью уставилась луна. Полная луна. Небо ясное. Я открыл окно, присел на подоконник, некоторое время продолжая глядеть на луну, как завороченный. Ночь была теплая или мне так показалось сначала. Ведь всего лишь середина мая. Воздух был необыкновенный. Где-то в листьях запел соловей. Я закурил. Слегка ослепленный ночным светом, я теперь ничего не мог видеть в комнате.

Все сливалось в сплошной темноте. Я уловил какое-то еле заметное движение в той стороне, где должна была находиться кровать. Это была Лена. Хотя я сейчас ее не видел. Она разлилась в этой сплошной темноте майской ночи. Она стала частью этой темноты, и эта мысль мне не понравилась. Для меня темнота всегда оставалась какой-то неизведанной и загадочной материей. Я вспомнил о своих детских страхах перед темнотой.

И хотя сейчас я уже не испытываю таких чувств, тем не менее мне вдруг захотелось поскорее вновь ощутить близость ее тела, как будто она могла внезапно, прямо сейчас растаять и исчезнуть в этой тьме без следа.

- Эдди, мне кажется, еще холодно, - ее слова подстегнули меня. Я выбросил в окно недокуренную сигарету, быстро закрыл окно и вернулся к кровати. Я все еще не видел ее, но ощущал, что она сидит, прислонившись к стене. Я не хотел, чтоб она обнаружила мою слепоту, поэтому не стал сразу искать ее рукой. Мне хотелось, чтоб она дотронулась до меня первой. Прикосновение ее пальцев было таким приятным, таким нежным, таким своевременным. Она провела по моей щеке, потом по плечу и по руке вниз. Затем прижалась ко мне.

- Эдди, как ты думаешь, мы сюда еще придем?

- Если хочешь, можем завтра сюда приехать. На работе я договорюсь.

Мы стояли, прислонившись к березе, кругом все было окрашено в блекло-желтые тона. Листопад - замечательное время.

- Нет, я о другом. Я говорю о том, что мы когда-нибудь все уходим отсюда, а куда - неизвестно. Ну, ты понимаешь. Так вот, интересно, могли ли я снова оказаться здесь? Мне нигде так хорошо не бывает, как здесь. Здесь есть оно. То, что связывает и тебя, и меня с этим местом. Это место живет в нас, а мы с тобой живем в этом месте. Ну не знаю, как тебе объяснить еще. Даже если тебя не будет рядом физически, все равно все что здесь есть будет говорить и напоминать о тебе так, как если бы ты и в самом деле здесь был.

- А в другом месте ты со мной несчастлива?

- Нет, с тобой я всегда счастлива, но в этом месте я счастлива и с тобой, и без тебя. Потому что здесь ты все равно остаешься со мной. Здесь что-то такое. Здесь есть оно. То, что связывает и тебя, и меня с этим местом. Это место живет в нас, а мы с тобой живем в этом месте. Ну не знаю, как тебе объяснить еще. Даже если тебя не будет рядом физически, все равно все что здесь есть будет говорить и напоминать о тебе так, как если бы ты и в самом деле здесь был.

- Ну, я могу тебе рассказать о реинкарнации, если хочешь.

- Что, Эдди?

- Я думаю то, что у нас сейчас с тобой - сколько это может продолжаться? В смысле, как долго люди могут быть так счастливы?

- Не знаю. Мне кажется, это не важно. Важно, что люди уже счастливы, сейчас, в данный момент. А что будет потом, завтра, это знает только завтра.

- Ты не считаешь важным даже наше с тобой завтра?

- Нет, считаю, но стараюсь не думать о нем сейчас.

- Почему? Скажи мне.

- Тебе сейчас хорошо?

- Мне никогда так не было хорошо, как сейчас. По крайней мере, я не помню такого момента.

- Значит, ты сейчас счастлив. Это наша с тобой ночь. Она неповторима и уникальна. Она больше никогда не повторится. А ты сейчас думаешь о том, что будет завтра. Но есть ли в этом смысл, подумай. И что изменится от этого?

- А что может вообще измениться?

- Вот видишь, ты уже сам начал задавать вопрос за вопросом. Так пройдет вся ночь, а ты все будешь размышлять о том, что будет завтра. Посмотри, какая луна. Ты слышишь, как шумят деревья?

- Слышу.

- Все это для нас. Я хочу, чтобы ты проникся этим моментом. Ощутил все это сейчас как можно лучше. Во имя завтра. Понимаешь?

- Понимаю. Но для этого мне не хватает одного.

- Иди ко мне.

Я ощутил прикосновение ее губ. Тело без команды поддалось на безусловный рефлекс. Луна наблюдала за нами.

- Эдди, как ты думаешь, мы сюда еще придем?

- Если хочешь, можем завтра сюда приехать. На работе я договорюсь.

Мы стояли, прислонившись к березе, кругом все было окрашено в блекло-желтые тона. Листопад - замечательное время.

- Нет, я о другом. Я говорю о том, что мы когда-нибудь все уходим отсюда, а куда - неизвестно. Ну, ты понимаешь. Так вот, интересно, могли ли я снова оказаться здесь? Мне нигде так хорошо не бывает, как здесь. Здесь есть оно. То, что связывает и тебя, и меня с этим местом. Это место живет в нас, а мы с тобой живем в этом месте. Ну не знаю, как тебе объяснить еще. Даже если тебя не будет рядом физически, все равно все что здесь есть будет говорить и напоминать о тебе так, как если бы ты и в самом деле здесь был.

- А в другом месте ты со мной несчастлива?

- Нет, с тобой я всегда счастлива, но в этом месте я счастлива и с тобой, и без тебя. Потому что здесь ты все равно остаешься со мной. Здесь что-то такое. Здесь есть оно. То, что связывает и тебя, и меня с этим местом. Это место живет в нас, а мы с тобой живем в этом месте. Ну не знаю, как тебе объяснить еще. Даже если тебя не будет рядом физически, все равно все что здесь есть будет говорить и напоминать о тебе так, как если бы ты и в самом деле здесь был.

- Ну, я могу тебе рассказать о реинкарнации, если хочешь.

- Не хочу, ты же знаешь, что я не признаю никаких теорий. Все это глупости.

- Но то, что ты сейчас говоришь, тоже может быть глупостью.

- Конечно, но это моя глупость. А до чужих глупостей мне дела нет. Своих хватает (смеется).

Боже, только ты знаешь, что я чувствую, когда она смеется.

- Лена, я хочу тебе сказать.

- Что, Эдди?

- Я... Я должен тебе сказать. Я не представляю свою жизнь без тебя. Это...

- Не надо, Эдди.

- Нет, подожди. Я действительно не знаю, что буду делать без тебя в этой жизни. Понимаешь? Я счастлив и одновременно несчастлив осознанием того, что вся моя жизнь в тебе, ради тебя. И это действительно так. Ты мне веришь?

- Я верю тебе, мог бы даже не спрашивать. И я рада тому, что ты сейчас сказал.

- Я, наверное, грустный тип.

- Но это нормально. Счастье должно быть с примесью грусти. Нельзя все время только радоваться. Это было бы чересчур.

- Эдди, знаешь, здесь я всегда буду с тобой. Вот, посмотри на ту березку, что стоит между двух осин. Когда меня не будет рядом, подойди и стой под ней. И ты вспомнишь меня. Посмотри на эту листву, представь, что я и есть эта листва. Говори со мной. И я всегда буду рядом с тобой. Только представь это.

- Я попытаюсь.

Она подбросила в воздух охапку желтых листьев и засмеялась.

Господь снова улыбнулся мне.

Я смотрел на березку. Ветер играл ее кудрями. На ней только что раскрылись молодые листочки, и она сейчас напоминала о том, что жизнь всегда возьмет свое. Несмотря ни на что. И, вроде бы, из твоей жизни что-то безвозвратно ушло, о чем ты продолжаешь сожалеть порой, но что-то тебя все-таки поддерживает, не дает упасть и не позволяет уйти в тихое безумие. Пока человек в силах, он всегда будет бежать от одиночества. Это врожденный инстинкт. Инстинкт остаться человеком невзирая ни на что. Даже в самой отчаянной ситуации, когда на твоих глазах гибнет все то, что имело значение в твоей жизни: плоды твоей работы, друзья, дети, любимый человек. Человек даже не представляет, что он может выдержать и через что может пройти, сохранив при этом надежду и разум. Это то, что заложено в нас высшими силами изначально.

Я стоял босой в траве, прислушиваясь к шуму ветра и смотрел вниз с обрыва туда, где извивалась речка. На душе было ясно и тепло. «Все будет хорошо! Я тебе обещаю» - вспомнилось у Булгакова. Захотелось искупаться в прохладной по-весеннему воде. Я шагнул вниз по узкой тенистой тропинке.

Татьяна БАЛАШОВА
(инженер КТБ ООО «ДЗР»)

ОСЕННЯЯ ХАНДРА

Вернуться в детские бы сны,
Чтобы забыть про грязь и слякоть.
Я понимаю, нет причин,
Но очень хочется заплакать.
На нервы действует толпа,
Понять саму себя так сложно,
И впору вешать мне плакат:
«Собака злая - осторожно!»

Боль, снова головная боль
Венцом терновым мозг сдавила.
Чужую я играю роль...
Когда-то это уже было.
Когда-то так же плакал дождь.
В мое окно стучал тоскливо.
Краснеда ягод поздних гроздь
На тонкой веточке рябины.

Что в жизни истинно, что ложно,
Я различаю постепенно...
Но силы нет и безнадежно
Спротивляться - бесполезно.
Виток к витку растет спираль
Грехов по воле и неволе.
Но мне себя совсем не жаль,
Могла б достаться хуже доля.

Друзей я больше не ищу.
Меня - не помнят, я - забыла.
И вновь со мною дежавю -
Когда-то это уже было.
Мечты как птицы улетают,
Диктует осень настроенье,
С листвою вместе умираю,
Испытывая... наслажденье.

Анатолий ХОРЬ
(инженер-технолог ООО «ДЗР»)

САД МУДРОСТИ

Летит судьба, как скорый поезд,
И отмечают годы путь.
Его ничто не остановит,
Чтоб в юность снова нас вернуть.
Но в каждом возрасте всегда есть
Неповторимый аромат,
Другим неведомая сладость,
Другими неоткрытый сад.
Сад мудрых мыслей и желаний,
Приют надежды и мечты,
Волшебный мир воспоминаний,
В котором царствуешь лишь ты...
Пусть дни проносятся и тают,
Пусть тихо плаваются года,
Тот сад нас в детство возвращает
В наш день рождения всегда.
Пусть не наступит день ненастный,
Среди листков календаря
Пусть их листают только счастье,
Надежду светлую даря.
Дружить со счастьем очень трудно,
Оно всегда «калиф на час»,
Но без него не будет утро
Нас солнцем радостно встречать.
И среди шороха затмений
Вновь налетающей хандры,
Порой за несколько мгновений
Отдать готовы вечность мы.

БЕЛАЯ ВЬЮГА
(Реквием по детству)

Белая вьюга, как белая птица,
Бьется под темным окном.
Близится вечер... и можно влюбиться,
Взять два билета в кино...
Можно лежать на старом диване,
В дебрях Майн Рида витать,
Иль, утепившись, уйти на свиданье,
С милой снежинки считать...
Вновь вырываясь из зарослей будней,
Запахом ели пьянеть,
Рваться на помощь раненой Кубе,
Кеннеди Джона жалеть...
Белая вьюга, как белая птица,
Бьется под темным окном,
Близится вечер... Вот только влюбиться
В сорок уже не дано...

АПОКАЛИПСИС

Искажаются временем формы,
Красоты так недолги черты...
Все не вечно, но с вечным упорством
Расцветают весною цветы.
Все проходит, пускай незаметно,
Стихнут страсти холодным огнем,
Превратятся в туман все планеты,
Овладеет Вселенною сон.
Но наступит мгновенье, я знаю!
Вновь взорвется космический мрак,
И галактики врозь разлетаясь,
Соберут вновь планет наших прах.
Вокруг нового Солнца запляшут
Мотыльки разноцветных планет,
И на них обретет свое счастье
Так похожий на нас человек...

НЕРОДИВШИМСЯ СТИХАМ

Как угнетает круг забот,
Что множатся, как тараканы.
Уборка, пыль, голодный кот,
Немытые стаканы,
Не так забитый где-то гвоздь,
И сломанный будильник,
Уроки делать дочь зовет,
С окна сифонит сильно,
Картошка кончилась, увы,
Белья скопилось сопка...
И задыхаются стихи
Во тьме уставшей глотки.
И строки их седой склероз
Уныло поедает,
И миллион прекрасных роз
От быта не спасает...
Как угнетает круг забот,
Что множатся, как тараканы,
Когда последний поворот
Уже не за горами...

МОЯ ПРИСТАНЬ

Я в заливе твоих глаз
Брошу якорь бригантини,
Чтоб, закончив путь свой длинный,
Синевы напиться власясть,
Разделить занозы бед,
Перемножить звезды счастья,
И поймать в темницу лет
Невезенье и напасти,
Не бояться игл молвы,
Пасти вечности за краем,
Где раскаяния львы
Души грешные терзают.
И пусть смерть грядет вдали,
Морща череп и хромая,
В кружевах одной волны
В лучший мир мы прибываем

**Александр
ГРОМОГЛАСОВ**
(зам. начальника
ООК ОАО «ДААЗ»)

НА ЧТО МЫ ТРАТИМ НАШЕ ВРЕМЯ?

На что мы тратим наше время?
На что мы тратим жизнь свою?
Все чаще тихим вечерочком
Вопрос я этот задаю!

Мы все спешим, кто за деньгами,
А кто за славой и постом.
Спешим, спешим, при этом сами
Себя обкрадываем в том.

Порою пыжимся надменно —
Не с тем дружил, не ту любил.
А жизнь по каплям, постепенно
Уходит прочь, сбивая пыл!
Еще не поздно выжать тормоз,
Остановиться на бегу!
Еще не поздно поделиться
Любовью, радостью в кругу.

В кругу своих родных и близких,
В кругу коллег, в кругу друзей.
Ведь радость, отданная людям,
Бывает во сто крат сильней!

Пора, быть может, созвониться
И заглянуть к своим друзьям!
А то о них мы вспоминаем,
Когда вдруг что-то надо нам!

Пора простить им все обиды
И с легким сердцем отпустить.
Пора покаяться, быть может,
Отца и маму навестить!

Пора, пора, пока не поздно!
И вновь вопрос я задаю:
На что мы тратим наше время?
На что мы тратим жизнь свою?

КАК ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ ЛЕТА...

Ты, как последний месяц лета,
Всегда полна тепла и света,
Всегда радушна, хлебосольна,
Готова каждому помочь...
Души любой ты лечишь раны,
Но вместе с этим, как ни странно,
Тебя совсем легко обидеть,
И боль тогда не превозможь...

Но я с тобою буду рядом!
И помогу всегда - где взглядом,
Где словом, делом незаметным,
И отведу я боль твою.

Как огонек в ночи кромешной,
Ты на земле святой и грешной
Надежду даришь и спасенье,
И освещаешь жизнь мою!

НУ ЧТО ВАМ РАССКАЗАТЬ ПРО АМСТЕРДАМ?

Ну что вам рассказать про Амстердам?
Там, как всегда, дождливая погода,
Дожди идут в любое время года...
Ну что вам рассказать про Амстердам?

Там воздух города дурманит и пьянит —
Пропитан он соленым ветром моря,
Теплом жилищ и запахом манит
Зайти в таверну, с непогодой споря.

Усталый шкипер - старый и седой
Нас пригласил согреться кружкой грога,
Полюбоваться твореньями Ван Гога,
И отдохнуть усталой душой!

А вот харчевня «Хитрая Лиса»
Зовет нас окунуться в полумраке
Свечей и образов, и тихо, не спеша,
Расскажет о любви большой и драке...

Соборов пики, древние часы,
Все на былое и раздумья клонит.
Дома старинные пришельцев дальних стран
Приветствуют в торжественном поклоне!

Вдоль берегов, устав от бурных волн
Фелюги, шхуны отдыхают одиноко.
Им снятся сны, что трюм товаром полн,
Они спешат, спешат домой до срока!

Ты сед, но ты прекрасен, Амстердам,
Каналами, бульварной мостовой!
Дыханье прошлого мы ощутили там,
Хоть ты насквозь пропитан новизной!

Торгуешь ты и бриллиантами свободно,
Отель твой «Краснопольский» - высший класс,
Салон мадам Тюссо и порт, лавчонки
Всех покорили и пленили враз!

Садится солнце - нам пора в дорогу,
А сердце защемило вдруг в груди!
Как с другом расстаемся на пороге
- Не скоро будет встреча впереди...

Летим вперед, несет нас автобан,
К своим делам, проблемам и заботам.
И ты расстроен - вслед пустил туман,
Не хочешь отпустить нас ни на йоту!

Но мы спешим, зовет работа, долг,
А рядом с нами крылатый твой посланец -

Нам дважды путь, и сердце пересек
Мифический Летучий твой Голландец!

Не скоро мы от чар твоих очнемся,
Ты будешь с нами днем и по ночам!
Я верю, мы к тебе еще вернемся...

Ну что вам рассказать про Амстердам?

Наталья ТИХОНОВА
(цех технического контроля
механосборочного
производства ОАО «ДААЗ»)

Я в жизни - не сахар,
От чая - не таю,
И что суждено -
На себе испытаю.
Кого-то - на вшивость,
А что-то - на прочность,
Судьбу - на немильность,
Себя - на порочность,
Напитки - на крепость,
Тебя - на разлуку,
А сердце - на вечную,
Грешную муку.

Где оно - Море Ласки?
Вокруг - Северный Ледовитый...
Я так мечтала быть в сказке...
В реале - сюжет избитый,
Знакомый до помраченья,
Дарящий судьбу лихую.
А в ласке до исступленья
Ты искупал другую...

Загляну в глаза, не дыша,
Обниму любимые плечи,
Зазвенит, запоет душа.
Снова все, как в наш первый вечер.

Смаковать любовь, не спеша,
Не получится - слишком смелая,
Видишь - взмыла моя душа
В поднебесье, как птица белая.

Долго-долго потом не уснуть,
Череду бытия нарушу -
Ты не взял в свой далекий путь
Мою белую птицу-душу...

А я читала Агату Кристи
И вышивала цветы крестом,
И не имела к тебе корысти,
А лишь любила тебя тайком.
Напоминала лавину с гор,
С угарной страстью
в глаза смотрела,
А ты не видел меня в упор.
Твоя стихия - не лед и пламень,
А штиль, равнина, зеро, плато...
В груди-пустыне
- огромный камень,
А я любила. Кого? За что?

Через тысячи зим,
Через тысячи лет
Просто невыносим
Этот вечный сюжет:
Он, она... и она.
Я знакома с таким -
Треугольник надежд
И паденья вершин,
И крушенья судьбы,
И обрыва дорог,
Ожиданья беды
И душевных тревог,
Шепот в темной ночи,
Тихо в трубке: «Привет»,
А потом, хоть кричи,
Не услышишь ответ.

Ясных глаз синева...
Полетела б за ним...
Через сотни веков...
Через тысячи зим...

Татьяна ШТРИХ

Мой далекий близкий, давай уедем.
Эти люди, эти маски, эти лица -
они так мерзки.
Я устала, я не хочу, не буду. Я плачу.
Ночами открыто, а днем
как обычно - прячу.

Мой далекий близкий, я лежу
у дороги камнем.
Наблюдаю течение времени,
вслушиваюсь в дыханье.
Я все это видела и отлично знаю,
Но многого не понимаю.

Мой далекий близкий, зачем
эти странные люди такие злые?
Глухие, слепые, полые, будто бы
неживые,

Будто не помнят счастья,
не знают горя.
Не улыбаются, ходят строем.

Мой далекий близкий...
Ты стал мне безумно дорог.
Очень тихо... нежно... ласково.

Этот ворох
Случайных событий и переплетений...
Мы рядом, мы просто тени.

Мой далекий близкий, ты был там,
знаешь
Как там ветер шумит, как море
шуршит под ногами,
Как песок прилипает к пальцам
и чайки стонут,
Как мучительно тянет к дому...

К вечеру от жизни уже нет сил.
Я становлюсь как выжатый апельсин.
Синтез моих систем и подкожных жил
Впихиваю в этажи.
В этажах миллионы таких же тел
Соотносящих: кто что хотел
и что получил. И у этих людских
личин,
кричи - не кричи, нет причин.
Причин для бед или там обид -
Каждый надежно влип, влит
в постамент и бетоном залит,
чтоб не сбежал. Посмотри:
Вот снизу сосед - инвалид-одноногий.
Он перед жизнью наг и убог.
Богу такой, что Царю - по бок,
Но он тут мотает срок.
Сверху - семья: бизнес, деньги
(вранье)

И каждое выкрикнутое «е-мое»
в истерике - между бровей копьё.
Полощут судьбы тряпье.
Слева - баба-алкашка и
каждая новенькая шашка
превращается в шаш
и с шашом в итоге
она остается. О Боге
думает справа маленькая старушка
с голубыми глазами в морщинах.
Игрушки
идет покупать дорогому внуку.
За ужином просит, чтоб лучше
кушал.

Он утром проснется, увидит небо
«вот космонавтом стать мне бы»
подумает, но ребром монета
встанет. И раньше небо его поманит.

А миленькая старушка поставит
свечку,
Поплачет и скажет «Ему там легче»,
А через месяц сама проснется
вся в белом. И не вернется.
И так год за годом, с рассветом,
заходом

солнца, с очередным итогом,
не делаем погоду
глобальному потеплению, все ищут
свободу
не зная броду. Бредут по краю.
До нитки сгорая.
Играют в счастье.

Я роняла остатки пепла
на линолеум.
Прожигала.

Я сдавала все карты ветру.
Церемонилась и сгорала.
Я любила. Ходила по краю крыши.
Порою не отвечала. Выше
были лишь только звезды. Мыши
бежали еще с причала.
Что осталось? Спокойствие

и расчеты.
Расчеты и бизнес-планы.
Зато это хотя бы что-то
В отличие от обмана,
Который таят в себе сотни прочих
Пустых, но смысленных очень.
Росчерк пера оставляющих
вместо точки.
Оставляющих головную боль,
а не ее кружение.

В мир словно по мишени
стреляет бесчувствие

и бесстрастность.
Разность сумм. Велика контрастность.
Смысла нет, если все поддельно
и некрасиво

И нательный крест как спасение
от могилы.

И любовь только по расчету
и рожать детей, чтоб сводили счеты.
Но я знаю, что я живу
пока я мечтаю,

И люблю, и во сне летаю,
И страдаю не от обмана,
а от того, что жизнь велика
и многогранна.

И что все еще есть мне куда
стремиться.

И если бы сызнова вдруг родиться,
То я бы открыла все те же двери
Чтобы любить и страдать.

И верить.

Стояло и тикало. Одиноколо.
Один около. Стоял и смотрел
как тикает

одиночество.

Одну кость вынули
и стало всем одиноко.

О, мой серебряный, невыносимый,
Мой нищий, добрый, невообразимый,
Блуждающий вечно по белому свету,
О, где ты?

Где нежность твоя, твоя ветреность,
легкость,
Твоя расточительность времени,
ловкость
В искании безграничной свободы,
О, кто ты?

Кто дарит тебе свои томные
взгляды,
Кто подсыпает искусные яды?
Кто спит с тобой за золотую монету?
Зачем все это?

Зачем километры, моря, океаны,
Разбитое сердце, открытые раны,
Пустая вселенная и телеграммы?
Когда мы?!

Мой ангел плачет.
Он весь в черном.
Никто не знает почему он так

никчемно
Когда жара и солнце тени прячет
Ах, если б знать о чем и что все
это значит.

Ах, если б ты мог знать о чем я
мыслю

И понимал что чувствую, что знаю,
Тогда бы не было проблем

расставить
Все по местам - как азбуку
иль числа,
Расставленные прежде и не нами.

Тогда бы звезды стали бы понятны:
Не бесконечны, а смешны как дыры
Не от того, а этого же мира,
Где боги и таланты не распяты
И слышимы не как в бреду,
а внятно.

Но все как прежде
Ангелы все в черном
И все, что видим мы и слышим
так никчемно,
Как чудо представляется невежде.
И мы живем все в той - смешной
надежде...

Меня прозу мироздания
Меняем позу. Мы - созданыя
Комочков нервов.
Ты - не первый.

Сознание менять на память.
Листая прошлое в альбомах.
Уже не ново
Тихо таять.

Уныние менять на дерзость.
В лицо людей слова плевать.
Чужую душу изливать...
Какая резвость!

Я совести не изменяю!
Но голос уже слабо слышу.
Сбавляю тише.
Суть меняю.

А, впрочем, что теперь бояться?
Нам говорят, Земля стареет.
Не над собою, но смеяться.
Болеем.

Алевтина ЗАЙЦЕВА Оскомина

Господи, как болит зуб! А сегодня воскресенье. Может быть, потихоньку пройдет? Я по-тельцовски терпелива.

Но боль усиливается к ночи, уснуть даже не надеюсь. Болит нижний передний зуб. Внимательно осматриваю его и не вижу ни кариеса, ни камня, а он настойчиво нервом сверлит всю голову. Перебираю в уме свои знания в области стоматологии. Ну, конечно, причина - яблоки. Нынче яблочный год. Дачи у всех усыпаны этими плодами. Сорты разные, хочется попробовать все. Вот и допробовалась! В народе эту боль называют оскоминой. Кислота разъедает эмаль на зубах, и нерв открывается раздражителем.

В понедельник большая проблема достать талончик к врачу. Это сейчас можно податься в частную поликлинику, а тогда, в восьмидесятые годы, их не было. Дождавшись утра, всем известным способом звоню, набирая номер регистратуры беспрепятственно, пока он не освобождается. И меня записывают к зубному терапевту.

В кабинете три кресла. И три врача, занимаясь с пациентами, ведут оживленную беседу, часто отворачиваясь от больных. Сострадания к ним, судя по их поведению, нет и намека. Мой стоматолог, привычно равнодушно взглянув на зуб, который доминает меня (другие зубы ей глубоко безразличны), сразу включает в работу бормашину. Я недоумеваю: зачем его сверлить, ведь он целенький? Сверлят обычно под пломбу.

Градом из глаз катятся слезы, но я терпеливо молчу, стараюсь сохранять спокойствие. Это почему-то раздражает врача:

- Что вы тут плачете? Какая капризная пациентка!

- Да ведь слезы льются непроизвольно от боли, но я вас ни в чем не обвиняю, не оскорбляю. Пожалуйста, лечите без замечаний, - отвечаю я.

Дело сделано, зуб расверлен, я подпрыгиваю от прикосновения инструмента к нерву. Врач пытается проникнуть в зубной канал. Видимо, больнее не будет, если она решила вытянуть нерв, не обезболив его. Ну нет моих сил! Однако терплю... В канал, долго пытаясь, проникнуть она не смогла.

Снова жужжит бормашина. Бац! Еще одно отверстие, новая попытка вырвать нерв. Опять неудача! - У вас плохие каналы! - в сердцах почти выкрикивает стоматолог.

Я молчу, хотя стоило бы ее упрекнуть, что не сделан рентгеновский снимок зуба.

Она выходит, возвращается с хирургом и, указывая на мой зуб, утвердительно говорит:

- Этот зуб подлежит удалению...

Ну да, солидарный с ней, тот, не глядя, кивает головой. Обращаясь ко мне, произносит:

- Пойдемте со мной.

Я волоку ноги, сквозь слезы ничего не вижу, но догадываюсь, что в кабинете напротив, придется расстаться с зубом. Быстро, не дав мне опомниться, впрыскивают в десну новокаин, что непозволительно без пробы на его переносимость. Практически через десять секунд вырывают зуб. Хирурга вижу, как в тумане. Он, зажав клещами зуб, водит им перед моим носом:

- Видите, какой он был у вас? Женщина, видите, какой он?

Какое «видите»?! Зеленые, красные круги перед глазами, боль, кровь... Громоподобным брошенным во что-то металлическое мой зуб.

Большой, вылезавший изо рта, наполняющийся кровью ватный тампон вместо зуба, непослушные ноги и абсолютное безразличие ко всему. Бреду к брату, живущему недалеко от поликлиники. Неудача - дома никого. Сажусь на крыльцо и плачу громко от обиды, что так нелепо потеряла зуб. Потом мне говорили, что есть препарат со фтором, который втирают в зубную эмаль для ее восстановления.

Успокоившись от пережитого, стала искать путь к протезированию. Ой, какие большие очереди были тогда! Но как же без переднего зуба библиотечарю и лектору? Выход единственный - иду к зубопротезисту, который официально работает тренером по биатлону, а знания, полученные в шестидесятые годы в медучилище, применяет для дополнительного заработка.

Трехкомнатная квартира. Большая комната с грязным паласом, креслами, затертыми сающимися в них пациентами. Под потолком с угла на угол - зеленая лиана, видимо ни разу не окропленная водой. Две двери. Одна, стеклянная, в спальню, где всегда «красуется» неубранная кровать.

Дантист выходит из кухни в натальной майке, открывает третью, узенькую, дверь в кладовку. Такое помещение называют «темнушкой». В ней теснота, крошево стоматологического материала, пыль. Бормашинка с ремешком передачей, как старинная прятка, раскачивающаяся во время работы, вызывая животный страх, что прямо во рту при обтачивании зубов вылетит из нее на большой скорости бор и разорвет всю толстую. Руки дантиста пахнут трюнным одеколоном.

- Откройте рот, - говорит он и лезет пятерней в него, хотя все на виду.

Самое страшное - обтачивание зубов допотопной машиной. Самое противное - изготовление слепка. Материал, которым наполняется рот до самого горла, душит, вызывает рвотные позывы. Застывший слепок буквально выдирается из непослушного рта. Хочется поскорее прополоскать рот, освободить его от остатков материала, но нечем. Дантист открывает ящик письменного стола, на котором стоит бормашина и в который упираются мои колени.

- Плюйте, - говорит он. Стало быть, в ящик - сборище осколков и плевков всех пациентов. Гадко до ужаса!

Но, слава богу, подготовка позади. Из чего же сделать зуб и две коронки? Из золота, которого у меня нет. Снимаю обручальное кольцо. Он, мастер на все руки, пережигает его где-то, как-то, поднимая пробу золота до червонного.

Наконец-то, протез и коронки готовы. Все в той же «темнушке» они вставляются в нижнюю челюсть, но садиться, как положено, не хотят, стоят выше живых соседних зубов, отчего образуется огромный прикус. Дантиста это не смущает. Он берет обыкновенный карандаш, сует его между моими челюстями и просит надавить на него зубами. В коронках верхняя часть золота деформируется, но зато можно сомкнуть челюсти.

Теперь я зубастая, теперь можно смело открывать рот, сверкнув вульгарными фиксами. Берегу их уже много лет. Не потому что они золотые, а потому что не хочу больше даже цивилизованного вмешательства в мой рот. А яблоки ем только для слажки. Не дай Бог, оскомины!